

© 2005 г.

Г.Е. ЗБОРОВСКИЙ

СОЦИАЛЬНОЕ СРАВНЕНИЕ КАК ПОВСЕДНЕВНОЕ ЯВЛЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

ЗБОРОВСКИЙ Гарольд Ефимович - доктор философских наук, профессор, зав кафедрой социологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

Социальное сравнение - необходимый элемент повседневной жизни и повседневного поведения индивидов, неотъемлемый компонент идеологии общества и конкретных социальных общностей. Оно лежит в основе многих явлений и процессов, имеющих место на уровнях обыденного и теоретического сознания. От характера, содержания и направленности социального сравнения зависят социальное настроение и социальное самочувствие больших групп людей, их стремления, ожидания, надежды. Особенности его использования как метода науки обусловлены многие выводы, к которым приходят представители разных отраслей социально-гуманитарного знания.

О социальном сравнении следует говорить в двух планах. Во-первых, речь должна идти о формировании обыденных представлений и их воплощении в социальных действиях в рамках массового сознания и массового поведения людей. Во-вторых, необходимо научное исследование этой проблемы. В статье отражены оба упомянутых плана проблемы.

Под социальным сравнением (на уровне обыденных представлений и массового поведения) будем понимать в самом общем виде сопоставление людьми условий жизни, форм и видов деятельности с их аналогами в прошлом, а также с теми, которые характеризуют повседневное бытие населения в других поселениях, регионах и странах. Люди сравнивают свою индивидуальную и семейную жизнь с жизнью дру-

гих людей и семей, жизнь своего народа и государства - с другими, сопоставляют характер и содержание видов деятельности, рассматривают под углом зрения выявления общего и различного социальные системы и подсистемы и др. Социальное сравнение предполагает также статусные, субкультурные, стилевые и иные сравнения.

Такие сравнения являются причиной либо фактором принятия жизненных решений, например, о смене места и характера работы, об отъезде в другие страны и т.д. При этом люди, как правило, взвешивают (стараясь взвесить) все "за" и "против" таких решений. Т.е. процедура социального сравнения в данном случае выступает как выбор между двумя (или несколькими) вариантами поведения.

Анализируя социальное сравнение через категорию выбора, мы должны отдавать себе отчет в том, что сам выбор есть сравнение между рассматриваемыми предметами, явлениями, точками зрения. Поскольку выбор - это универсальная характеристика сознания и поведения человека, вне которой его бытие невозможно, правомерно утверждать, что стремление к социальному сравнению заложено в общественной природе индивида - как и стремление к сравнению несоциального, естественного характера заложено в его биологической природе.

Социальным сравнением человеку приходится заниматься, часто даже не задумываясь над тем, что он это делает. Проблема здесь в том, чтобы сравнивать корректно. Очевидно, что это не простой вопрос. Люди в повседневной жизни не всегда верно сопоставляют сравниваемые позиции (если эти позиции вообще оказываются таковыми - по принципу поговорки "В огороде бузина, а в Киеве дядька"). Умению сравнивать социальные параметры (объекты, позиции и т.д.) нужно учить и учиться, чтобы не допускать серьезных ошибок.

Становясь общественным феноменом, социальное сравнение часто направлено на выявление выигрыша (преимуществ) или, наоборот, потерь. В 2004-2005 г. эта проблема нашла выражение среди значительной части населения России в связи с заменой социальных льгот денежной компенсацией. В ходе социального сравнения выяснилось, что такая замена для большей части бедного, а то и просто обездоленного населения обернулась серьезными потерями. Возникла ситуация двух типов социального сравнения, их реального конфликта. Властные структуры стремились доказать бедствующим группам населения, что "монетизация" социальных льгот принесет им выгоду; представители же этих групп осуществляли социальное сравнение с учетом своей жизни и приходили к выводам совершенно иного характера.

Следовательно, социальное сравнение выступает как не только общественный, но и индивидуальный феномен. Люди сравнивают социальное бытие, его отдельные стороны на индивидуально-личностном уровне. Для конкретного человека социальное сравнение выступает как общественный феномен, когда он сопоставляет социальные общности, страны, системы и подсистемы в них (экономику, политику, образование и т.д.). Но как только это сравнение редуцируется до уровня показателей собственного (семейного) образа жизни, оно обретает индивидуальный характер.

Социальное сравнение как особенность общественной и индивидуальной жизни привлекает внимание в периоды кризисов, социальных потрясений, ухудшения положения населения, растущей бедности и лишений. Это обстоятельство не требует специальных доказательств. Очевидно, что, теряя прежние экономические и социальные позиции, люди начинают сравнивать то, что имеют и как живут сейчас, с тем, что имели раньше и как жили в иные времена. Причем в этом сравнении преимущества часто на стороне сравниваемого прошлого. Так, по материалам мониторинга динамики настроений, мнений и оценок населения страны в течение последних лет (данные Аналитического центра Ю. Левады), выяснилось, что никак не могут приспособиться к нынешней жизни 15% респондентов (январь 2005 г., та же ситуация была в январе 2002 г.). Свыклись с тем, что пришлось отказаться от привычного образа жизни и жить, ограничивая себя в большом и малом, 21% (в январе 2002 г. 29%); приходится "вертеться", хвататься за любую возможность заработать, лишь бы обеспечить себе и близким терпимую жизнь, 33% опрошенных (в 2002 г. -

25%). Живут, как и раньше, без изменений, 16% (в 2002 г. - 18%); удалось использовать новые возможности и добиться большего в жизни 8% респондентов и в 2005, и в 2002 гг. [1, с. 69]. В таких обстоятельствах социальное сравнение приобретает форму социальной ностальгии и оказывается связанным с социальной памятью и социальным знанием.

Социальная ностальгия и социальная память. Чтобы дальнейшие наши рассуждения были понятны, определимся с понятиями - социальная ностальгия и социальная память. В условиях резких социальных перемен и разочарованности складывающимся бытием потребность части общества удержаться в привычных экономических и социокультурных рамках приводит к актуализации "образа прошлого". Социальная ностальгия предстает индикатором нарушения взаимосвязи времен, когда переживание действительности обращено к прошлому и настоящее оценивается в сравнении с ним. Социальная ностальгия выступает своеобразным средством сравнения, в одних случаях настоящего с прошлым, в других - наоборот, прошлого с настоящим.

Значение слова "ностальгия" - боль, страдание, тоска по родине, чему-то безвозвратно потерянному, ушедшему. В отличие от обычной ностальгии, субъектами социальной ностальгии становятся не отдельные люди, а целые классы, слои, группы. В качестве ее объекта фигурирует общество в целом (для индивидуальной ностальгии - конкретная утрата, потеря человеком чего-либо лично существенного из имевшегося у него в прошлом). Речь идет о восприятии прежнего общественного строя и социального порядка.

Социальную ностальгию как массовое явление в условиях современной России нельзя не обнаружить. Ностальгические настроения в течение последних 10—15 лет (сочувствие больших групп населения идеалам, провозглашенным в советском обществе) фиксируются на уровне обыденного сознания социологическими исследованиями. Затрагивая повседневные интересы масс, эти настроения влияют на их жизненный стиль, установки, ориентиры, поведение, играют важную роль в формировании повседневности и, как результат, отражаются на социальном самочувствии, направленности мыслей, устремлений, ориентируют на прошлое, оживляют в общественном сознании элементы советской системы, которые гарантировали относительно стабильность и благополучие. Но это не означает, что люди безоговорочно хотели бы вернуться в прежние времена.

Характеризуя социальную ностальгию, допустимо определять ее как создаваемый *post factum* миф об общественном строе, общественных отношениях, образе жизни, идеалах и целях, свойственных прошлому [2]. Разуверившись в настоящем, не ожидая ничего хорошего в грядущем и не будучи способными адаптироваться к новым ценностям и ориентирам, модифицирующимся вследствие быстрых и не всегда эффективных преобразований, ущемленные социальные группы стараются найти "реперные" точки в прошлом. Поиск их связан, прежде всего, с испытываемой нуждой обратиться к прочным, непреходящим ценностям в быстро меняющемся мире. Отсюда - сложности адаптации многих людей, социальных общностей к реформирующемуся обществу.

Говоря о росте социальной ностальгии в постсоветском обществе, мы обнаруживаем ее всплеск в связи с заменой социальных льгот денежными выплатами. Это вызывает у многих групп людей воспоминания о недавних временах, когда поездки в общественном транспорте ничего не стоили, лекарства можно было в аптеках получить за полцены либо бесплатно, и в целом лучше было, чем сейчас.

Понятно, что социальная ностальгия основывается на социальном сравнении. Последнее базируется, в свою очередь, на социальной памяти. Не являясь просто суммой памяти отдельных людей, выступая как особое качество трансформации знаний и представлений о прошлом в общественном (групповом) сознании, социальная память обладает способностью от какой-то информации освободиться, другую же гипертрофировать.

Чтобы лучше понять эту особенность социальной памяти, отметим, что она включает в себя, по всей видимости, два пласта: освоенный опыт человечества в виде систематизированного знания о нем (глубинный пласт) и быстро меняющиеся, динамичные сведения оперативного характера, которые надолго в ней не задерживаются, уступая место новой информации. На индивидуально-личностном уровне происходит "откладывание" в "механизме" памяти человека части информации в виде накопленных в обществе и имеющих долговременное, стратегическое значение знаний. Они, вместе с внешним слоем "механизма" памяти, оперативной информацией определяют направленность социального сравнения.

Специфика социальной памяти россиян в условиях резкого падения уровня и качества жизни, по меньшей мере, половины населения страны проявляется в присутствии этим людям выраженной тенденции акцентировать в социальном сравнении такие аспекты повседневной жизни как спокойствие, уверенность в завтрашнем дне, отсутствие рисков и тревог, возможность планировать свою деятельность на годы вперед и др. Однако при этом из памяти "уходят" негативные стороны жизни в советском обществе: очереди, нехватка продуктов питания, жесткий идеологический прессинг коммунистической партии, цензура, ограничение прав и свобод, связи с внешним миром, трудности выезда за границу, даже с туристическими целями, и др.

Социологические исследования фиксируют эти особенности социальной памяти россиян, которые проявляются в стремлении к социальному сравнению. На основании мониторинговых данных, как нам кажется, более всего это сравнение характерно для трех категорий населения: представителей средних и особенно старших возрастных групп (прежде всего пенсионеров); людей, не сумевших утвердиться в рыночной экономике; части наемных работников, особенно бюджетных отраслей. Понятно, названные критерии и соответствующие им категории жителей страны перекрывают друг друга. Так, к наемным работникам относится часть представителей первой и второй названных выше категорий населения. Многие из относящихся к средним и старшим возрастным группам не сумели утвердиться в рыночной экономике и принять ее нормы и принципы. По нашим подсчетам, в общей совокупности это около трех четвертей взрослого населения страны.

В связи с нашими рассуждениями интерес представляют результаты исследования Аналитического центра Ю. Левады. Говоря о четвертой волне "человека советского", которая приходит сейчас на смену третьей волне, авторы исследования фиксируют все более демонстративную как официальную, так и массовую ностальгию по ушедшим советским временам. "Советское" самоопределение продолжает оставаться идеологически (ценностно) нагруженным. В то же время нагрузка "русского" самоопределения (самоопределения нового типа в условиях постсоветского общества) значительно беднее и слабее. Оно практически лишено внутреннего содержания [3, с. 10].

Исследуя предпочтения и рамки выбора, прежде всего в сфере трудовой деятельности (работы), социологи фиксируют доминирующее положение "советского" типа предпочтений - "небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне" (от 45% в 1989 г. до 60% в 1999 г. и 54% в 2003 г.). Исследователи объясняют это тем, что до сих пор около половины работающего населения занято в государственном секторе, а пенсионеры и получатели пособий полностью зависят от бюджета.

Анализ типов предпочтений и типов приспособлений также показал практически всеобщую готовность значительной части респондентов удовлетвориться "тем, что есть" (данные 2003 г. - 56%). Больше всего эта готовность выражена у тех, кто не замечает изменений, меньше всего - у добившихся определенных достижений. По мнению Ю.А.Левады, это вариант известной социологической закономерности: более всего довольными бывают те, кому мало нужно, недовольными - те, кто многого достиг, но хотел бы добиться большего ("правило Матфея").

Рассматривая материалы мониторинговых исследований под руководством Ю. Левады (интервальные даты - 1989, 1999, 2003 гг.) по проблеме самоидентификации человека в российском обществе, воспроизведем некоторые выводы социолога. По его мнению, не сформировалась "новая" (современная, демократическая, европейская, гражданственная) основа для самообозначения человека, тем более для его самоутверждения. Поэтому точкой отсчета, если не демонстративной, то реальной, остаются характеристики человека советского. Эта тенденция подкрепляется официальными поисками "советской" легитимации через обращение к символике, стилю, приемам управления, правда, при постоянных попытках сочетать черты стиля различных периодов: победные марши военного времени со стабильностью "застоя", административные перетряски в хрущевском духе с произволом переломных лет и т.п. Сохраняет значение характерный механизм советской эпохи - "негативного" самоутверждения с помощью принижения образов "врага" или "обобщенного чужого". Однако в массовом сознании, во многом следующем официальной политике, растет отчуждение от власти и государства, а идентификация с их ценностями выглядит двусмысленной. Человек вынужден искать защиты у власти, но не хочет ей служить [3, с. 18].

Использованное нами исследование интересно тем, что оказалось сравнительным в нескольких аспектах. Во-первых, его цель - определить в рамках сравнительного анализа типы социального действия (поведенческие типы) на когнитивном уровне. Во-вторых, речь шла о выявлении идентификации (самоидентификации) через два господствующих типа личности в рамках их самоопределения - человек советский и человек русский. При этом социальное сравнение осуществлялось путем апелляции к социальной памяти людей, представляющих различные возрастные группы - от 16 до 55 лет и старше. В результате сравнения авторы исследования пришли к выводу, что "человек советский" "жив" и продолжает доминировать в обществе как социальный тип со своей ценностно-идеологической ориентацией.

В-третьих, в процессе социального сравнения было установлено, что социальную ностальгию по ушедшим временам пока ничто не может достойно заменить. Социальная память, являющаяся ее основой, "вычеркивает" из своего глубинного слоя социальные бедствия, катастрофы, лишения, несчастья прошлого. В то же время она питает социальную ностальгию современного общества, значительная часть населения которого продолжает испытывать воздействия аномальных явлений и процессов, так и не освоив новые нормы и ценности. Поэтому социальные сравнения, к которым обращаются люди в рамках их повседневного бытия и обыденного сознания, часто наполнены скорее пессимизмом, чем уверенностью в завтрашнем дне.

До сих пор речь шла об обыденных представлениях людей в повседневной жизни, связанных с использованием социального сравнения в качестве инструмента массового сознания и поведения. Далее речь пойдет о характеристике социального сравнения как социологического метода, социального закона, наконец, познавательной процедуры. Чтобы рассмотреть социальное сравнение как проблему социологии, обратимся к ее истории, касающейся этого явления.

Социальное сравнение как проблема классического этапа социологии. Социология апеллировала к социальному сравнению с первых шагов своего становления. По существу все классики мировой социологии XIX - начала XX века воздали должное этой проблеме, тем самым доказав, что у социологии нет иного пути развития, кроме как использовать методологию и методiku социального сравнения для достижения целей и задач исследования.

О. Конт провозгласил необходимость использовать в качестве одного из основных методов исследования сравнительно-исторический. Суть его состояла в сопоставлении жизни народов и деятельности государств, как находящихся на одной ступени развития, так и переживающих различные его фазы и этапы. Социолог говорит о четырех видах сравнения: 1) нравственных и интеллектуальных факторов, оказывающих влияние на жизнь обществ, народов и государств; 2) различных об-

ществ, сосуществующих синхронно, но не влияющих друг на друга, что позволяет обнаружить общее в развитии различных народов; 3) различных состояний одного и того же общества, социального положения различных классов и групп - для того, чтобы выявить определенные этапы развития этого общества; 4) последовательных состояний общества с учетом связи прошлого, настоящего и будущего. Этот метод способен, по мнению О.Конта, поднять социологию до уровня позитивной науки; кроме того, он направлен на выявление тенденций и закономерностей развития общества.

Большое внимание проблемам социального сравнения уделил Г. Спенсер в рамках своей эволюционной социологии. Характеризуя общество, он сравнивает его с двумя "классами агрегатов" - неорганических и органических, причем основным является сравнение со вторым типом. Поэтому общество рассматривается как социальный организм в постоянном сравнении с биологическим организмом. В этом сравнении Г. Спенсер обнаруживает как сходства, так и различия, которые становятся еще более сопоставимыми, когда он пытается создать эволюционную теорию общества по аналогии с эволюционной теорией происхождения человека Ч. Дарвина.

Значителен вклад К. Маркса в решение проблемы социального сравнения при разработке концепции общественной формации. В ее рамках он подверг сравнительному анализу основные этапы общественного развития по ряду параметров экономического и социального характера, выработав для этого научные критерии (уровень развития производительных сил, характер производственных отношений, господствующие формы собственности и др.).

Свое понимание социального сравнения представил науке М. Вебер, реализовав его принципы в концепциях идеального типа и социального действия. Немецкий социолог представлял в своем творчестве типичные черты классической немецкой социологии с ее стремлением к классификациям, формализациям, типологиям, каждая из которых базировалась на социальном сравнении и давала основания для сопоставления индивидуальных и групповых характеристик.

Кульминацией разработки проблем социального сравнения стало творчество Э.Дюркгейма. Он характеризовал сравнительный метод как "единственно пригодный для социологии" [4, с. 511]. Французский социолог утверждал: "Сравнительная социология не является особой отраслью социологии; это сама социология, поскольку она перестает быть чисто описательной и стремится объяснять факты" [4, с. 522]. Дюркгейм выдвинул несколько требований, без соблюдения которых социальное сравнение могло оказаться некорректным. Так, он полагал, что "нужно сравнивать не изолированные изменения, но регулярно устанавливаемые и достаточно длинные ряды изменений, которые бы примыкали друг к другу возможно полнее" [4, с. 519]. Важным для него является признание того обстоятельства, что сравнение доказательно только в случае исключения из него искажающих факторов [4, с. 522].

В дореволюционной российской социологии М.М. Ковалевский проявлял интерес к сравнительному анализу изучаемого материала, особенно к историческим явлениям и процессам. В качестве одного из основных методов научного исследования он использовал сравнительно-исторический метод. Суть его - в параллельном изучении общественной эволюции различных народов, как древних, так и современных, на основе которого возможно дать общую формулу поступательного движения общественной жизни. При этом Ковалевский говорит о необходимости эмпирической проверки любых выводов, полученных в ходе использования сравнительно-исторического метода.

По существу вся классическая социология (здесь не были охарактеризованы в силу ограниченности пространства статьи взгляды представителей психологического направления, различных направлений "одного фактора", идеи Ф. Тённиса, Г. Зиммеля и др.) прибегала к рассматриваемому методу, осуществляя социальное сравнение в анализе жизни стран, народов, государств, социальных общностей, групп, социаль-

ных действий и взаимодействий и т.д. Все это доказывает справедливость утверждений Э. Дюркгейма о том, что социология является наукой сравнительной.

Мы бы добавили, что она является сравнительной по определению, ибо, как бы ни рассматривался ее предмет, он так или иначе включает в себя социальное сравнение. В этом находит отражение повседневность, повсеместность и регулярность социального сравнения, которое используют субъекты общественной жизни. Социальное сравнение - одно из универсальных явлений социальной действительности, имеющее место в повседневной деятельности различных субъектов, и в ее научной социологической рефлексии.

Социальное сравнение - проблема современной социологии. Это обстоятельство подтверждено социологией XX столетия, как его первой, так и второй половины. В первой половине прошлого века возникли две противостоявших друг другу концепции социального, точнее говоря, социокультурного сравнения, у истоков которых находились американские исследователи У. Самнер (концепция культурного этноцентризма) и Р. Бенедикт (концепция культурного релятивизма). В первом случае социальное сравнение национально-этнических общностей шло по принципу "мы - они", нередко приобретая характер противопоставления. У. Самнер в книге "Народные обычаи" (1906) объяснял это тем, что люди склонны переоценивать свою культуру и недооценивать чужую, вследствие чего этноцентризм можно считать в известной мере универсальной человеческой реакцией [5]. Сам американский социолог чаще критиковал культурный этноцентризм, чем соглашался с ним.

Что касается культурного релятивизма, то позиция Р. Бенедикт основывалась на необходимости сравнивать не отдельные стороны культур (ценности, обычаи, нормы и др.), а системы культур в их целостности [6]. При этом противопоставление как форма социального сравнения считалось бесперспективным хотя бы потому, что ценности разных культур находятся в качественно разных контекстах и имеют собственную внутреннюю целостность. Отсюда главная задача научного сравнения заключается в стремлении оценить достижения любой культуры, для чего необходим сравнительный анализ культур как систем форм деятельности, закрепившихся в общественном сознании и социальной практике и организованных на основе ценностей, норм, обычаев, языка.

Проблема социального сравнения нашла отражение в ряде наук, смежных с социологией, в первую очередь в социальной психологии. Известна теория социального сравнения Л. Фестингера, созданная в начале 50-х гг. XX века и ставшая основой его концепции когнитивного диссонанса [7]. В основе этой теории - понятие потребности, прежде всего, потребности в оценивании самого себя. Здесь существенную роль играют мнения - других и самого себя. Эти мнения соотносятся с социальной реальностью, которая создается групповым согласием. Единственный способ проверки мнения по Фестингеру - установление социального согласия, консенсус. Но он может быть установлен только тогда, когда люди могут сравнить, сопоставить свои мнения с мнениями других людей. Отсюда - потребность сравнивать себя с другими.

Фестингер предположил, что тенденция сравнивать себя с другими уменьшается, если различие между мнением человека и мнениями других людей возрастает. Сравнение устойчиво тогда, когда собственное мнение близко, тождественно мнениям других. Минимальное несходство мнений, по Фестингеру, ведет к конформизму. Как видно, теория социального сравнения базировалась на знании о себе и знании о других и сопоставлении этих знаний. Она носила интерперсональный характер и могла претендовать на статус социально-психологической теории. На основе теории социального (когнитивного) сравнения Л. Фестингер перешел к созданию теории когнитивного диссонанса.

Во второй половине XX - начале XXI века обращение к проблематике социального сравнения интенсифицировалось, что было вызвано распространением кросс-культурных, кросс-социальных, кросс-страновых, сравнительно-исторических и сравнительно-психологических исследований. Компаративный анализ стал одним из

наиболее распространенных. Между тем, методология его оказалась слабо разработанной, что вызвало стремление отдельных социологов-теоретиков внести свой вклад в решение этой проблемы. Среди них следует отметить американских социологов Ч. Регина и особенно Н. Смелзера, в частности, его доклад на XV Международном социологическом конгрессе [8]. Названные и другие авторы, правда, акценты делают на социальном сравнении обществ, культур, стран, регионов, тогда как аспект этих сравнений в конкретных обществах, культурах, странах, регионах между отдельными социальными объектами представлен слабее.

Социальные сравнения межстранового характера как особый вид компаративистики, по мнению Смелзера, теряют значение в наше время. Один из его аргументов здесь состоит в том, что многие из кросс-страновых исследований в экономике, политике и социальной сфере, проведенные с позиций радикального позитивизма в недавнем прошлом, в ретроспективе кажутся наивными. Но значит ли это, что подобные исследования не нужно проводить? Ведь результаты любых исследований спустя какое-то время представляются неполными, несовершенными, а в чем-то действительно наивными. Однако "межстрановая" компаративистика продолжает существовать.

Возникает, правда, вопрос о том, как скажется на ней глобализация. Не приведет ли некоторая унификация жизни во многих странах с развитой экономикой к снижению необходимости в проведении сравнительных исследований? Но вопрос можно поставить по-другому: не приведет ли к актуализации таких исследований потребность в изучении последствий и результатов глобализации для групп развитых и развивающихся стран?

В отечественной социологии сравнительные кросс-культурные и кросс-страновые исследования имеют немалую историю. Одно из интересных и показательных, с нашей точки зрения, сравнительных исследований проводилось во второй половине 60-х гг. прошлого века и касалось изучения бюджета времени городского населения 13 стран Европы и Америки: СССР, США, Венгрии, Польши, Болгарии, Франции, ФРГ, Бельгии и др. Это была одна из первых и плодотворных попыток даже в условиях жесткого идеологического противоборства найти общий язык между социологами, представлявшими в то время полярные социальные и политические системы, в вопросах методологии, методики, организации и т.д. сравнительного исследования. Конечно, каждая система (и страны, в нее входившие) пыталась извлечь максимум идеологической пользы из исследования для доказательства собственного превосходства. Но нас в данном случае интересует получение социального сравнительного знания о количественных, структурных и содержательных характеристиках использования времени различными группами населения в ряде развитых и среднеразвитых стран.

Необходимость обращения непосредственно к социологическим проблемам компаративистики существует на разных уровнях: методологическом, методическом, уровне анализа результатов эмпирических исследований. Эффективность такого социологического исследования во многом определяется успешным применением и корректностью сравнительных процедур. Отсюда возникает проблема типов сравнений в социологии.

В качестве примера рассмотрим исследование, проводившееся в 1993-1996 гг. в рамках российско-германского проекта "Профессиональное образование и социальная ответственность молодых рабочих в России и Германии" под научным руководством автора и В. Лемперта (Берлин) [9]. Изучение социальной ответственности на рабочих местах выпускников профессиональных училищ и профессиональных школ в России и ФРГ осуществлялось на методологической основе теории нравственного развития личности Л. Колберга [10]. Колберг рассматривал три последовательные стадии морального сознания личности: доконвенциональную, конвенциональную и постконвенциональную. На первой стадии личность мыслит и действует в основном с позиций эгоцентризма и с трудом воспринимает интересы, нормы и моральные

стандарты других людей. На второй эгоцентризм сменяется социоцентризмом, когда главным становится восприятие норм групповой морали ближайшего окружения. На третьей - постконвенциональной - начинают доминировать общезначимые универсальные принципы морали. На этой стадии индивид воспринимает возможные последствия собственных действий для других, для общества в целом. Несмотря на то, что концепция Колберга касалась, прежде всего, возрастных стадий развития личности (от рождения до подросткового возраста и от него - к взрослой зрелости), она может быть применена для решения иных исследовательских задач, в том числе тех, которые стояли перед участниками международного сравнительного российско-германского проекта.

Исследуя производственную деятельность выпускников профессиональных училищ и школ России и Германии на рабочих местах, удалось доказать, что доминантной характеристикой молодых рабочих является степень развитости профессиональной социальной ответственности, которая может быть сопоставлена с тремя описанными выше стадиями. В ходе исследования российские и немецкие социологи пришли к выводу, что постконвенциональный тип молодого рабочего практически не характерен для России и крайне редко встречается в Германии. Что касается первых двух, то доконвенциональный тип личности с неявно выраженной профессиональной социальной ответственностью в России встречается чаще, чем конвенциональный, характеризующийся развитым ее уровнем, а в Германии - наоборот.

Но этим сравнительный характер исследования не был исчерпан. Он коснулся и методической части. По договоренности исследование проводилось на Урале в рамках количественной стратегии, в Германии - качественной. Немецкая сторона использовала глубокое интервью и биографический метод, российская - письменный и устный опросы. Возникла серия вопросов о сопоставимости показателей и результатов исследования. Появилась проблема интерпретации понятий. Следовало учитывать изменившееся отношение молодых рабочих в России к "социалистической" характеристике социальной ответственности ("Пред Родиной в вечном долгу", как пелось в песне советских лет). Стремление "освободиться" от жесткой "опеки" так понимаемой ответственности становилось более характерным для отечественной молодежи. В Германии ответственность за выполняемый труд всегда была традиционной и базовой ценностью, особенно у рабочих. Это обстоятельство также учтено при социальном сравнении получаемых результатов.

Результаты, которые были получены, дали богатый материал для размышлений о путях развития начального профессионального образования и его влиянии на формирование личности молодого рабочего. Так что при всех издержках и несовершенствах сравнительных социологических международных проектов пользу они приносят и, что особенно важно, приводят к накоплению опыта таких исследований, что в дальнейшем позволит совершенствовать их методологию, методику и технику.

В рамках социологического осмысления проблемы социальное сравнение осуществляется как познавательная процедура, лежащая в основе суждений о сходстве или различии социальных объектов. При помощи этой познавательной операции выявляются количественные и качественные характеристики предметов, признаки, детерминирующие их возможные социальные отношения. Сравнить означает, с точки зрения определения этого глагола, рассмотреть одно в связи с другим для установления сходства или различия или для установления преимуществ одного перед другим [11, с. 236]. Социальное сравнение всегда охватывает, как минимум, две стороны - то, что сравнивают, и то, с чем сравнивают. Стороны (объекты) социального сравнения могут занимать социально равные и социально неравные позиции (отсюда социальное равенство и социальное неравенство выступают как результат социального сравнения). Но при этом сравниваемые социальные позиции (объекты) всегда должны быть одного вида, одного порядка, т.е. должны быть сопоставимыми в социальном отношении.

В приведенное выше понятие социального сравнения в качестве познавательной процедуры оказались заложенными как количественные, так и качественные характеристики предметов, процессов, явлений. Важно уметь их различать, что позволяет осуществить более полное и верное социальное сравнение. Для примера приведем социальное сравнение высшего образования в России и европейских странах в связи с предстоящим вступлением первой в Болонский процесс. Почему оказалось так много противников этого шага в нашей стране? По всей видимости, потому, что специалисты стали сопоставлять не только количественные характеристики образования (число лет обучения, изучаемых дисциплин, трудоемкость в кредитах и др.), но и его качество, убеждаясь в отсутствии во многих западных университетах должной фундаментальности и глубины высшего образования и, наоборот, наличии данных характеристик в его отечественной системе.

Представляется, что имеет смысл говорить о наличии в социологии закона социального сравнения. Под ним будем понимать необходимую связь, устанавливаемую (вскрываемую) социальным субъектом между сходными либо различающимися сторонами (объектами) общественной жизни с целью описания и объяснения количественных и качественных характеристик их отношений. Раскроем подробнее каждый из аспектов приведенного закона.

Говоря о существовании необходимой связи между социальными объектами, лежащей в основе закона и устанавливаемой социальным субъектом, мы имеем в виду, как минимум, два момента. Во-первых, эта связь вытекает из природы человека, как биологической, так и социальной. В биологическом плане человек еще с младенческой поры выбирает между тем, что ему нравится, а что - нет. Это касается еды, одежды и т.д. Но нас интересует больше не "природный", а социальный характер сравнения, которое касается окружения, отношений, видов деятельности и т.д. Здесь следует отметить, что, конечно, природный аспект сравнения так или иначе вписывается в социальный либо приобретает социальный характер, поскольку несет на себе печать отношений между людьми. Во-вторых, необходимость указанной выше связи определяется тем, что ее нужно постоянно учитывать, и это обстоятельство в конечном итоге может иметь практическое значение, поскольку социальное сравнение оказывает подчас сильное влияние на поведение и характер деятельности социальных субъектов.

Далее, обратимся к понятиям субъекта и объекта социального сравнения. К первому будем относить отдельных лиц, социальные общности, группы людей, осуществляющих социальное сравнение. Оно в этом случае будет выступать как описательно-познавательная процедура на уровне индивидуального либо общественно-группового сознания (например, формулируются идеологии и философии социального сравнения, корректность которых в каждом конкретном случае требует доказательства). К объектам социального сравнения могут быть отнесены отдельные страны, сферы жизни и образ жизни людей и социальных групп этих стран, социальные процессы, отдельные социальные факты и явления. Объектом социального сравнения могут выступать также теории, концепции, направления социальной мысли, научные парадигмы, т.е. то, что несет информацию о реальных объектах.

Что касается выявления количественных и качественных характеристик отношений между объектами (сторонами) социального сравнения, то полнота его картины может быть наибольшей лишь с учетом и тех, и других в различных сферах социальной реальности, практически повсеместно. Благодаря этому можно говорить об универсальном и всеобщем характере закона социального сравнения. Действие закона выявляется на уровне индивидуального и общественного, обыденного и теоретического сознания и отражает как объективно, так и субъективно существующие процессы и отношения.

Социологическая наука, как никакая другая, позволяет обнаруживать действие закона социального сравнения тем, что вскрывает характер производимого знания. Специфика социологического знания и исследования как раз и помогает выявить

конкретные ситуации социального сравнения, причем как в теоретическом, так и в эмпирическом плане. Особенность социологической науки состоит в том, что и сама описательно-объяснительно-аналитическая сущность этой науки, и ее язык компаративны по своей природе. Социология позволяет получить констатирующее, чаще - социально-сравнительное знание, поскольку строится на выявлении не только (и не столько) общего и сходного, но и различного между действиями людей и их групп. В результате своего почти двухвекового развития социология превратилась по существу в сравнительную социологию, одним из основных методов которой стал компаративный анализ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вестник общественного мнения. 2005. № 1.
 2. См. об этом подробнее: *Зборовский Г.Е., Широкова Е.А.* Социальная ностальгия: к исследованию феномена // Социол. исслед. 2001. № 8.
 3. *Левада Ю.* "Человек советский": четвертая волна. Рамки самоопределения // Вестник общественного мнения. 2004. № 3.
 4. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991.
 5. *Sumner W.* Folkways. L., 1958.
 6. *Benedict R.* Patterns of Culture. Boston, 1934.
 7. *Фестингер Л.* Теория когнитивного диссонанса. М., 2000.
 8. См.: *Смелзер Н.Дж.* О компаративном анализе, междисциплинарности и интернационализации в социологии // Социол. исслед. 2004. №11.
 9. См. подробнее: *Александрова Т.Л., Зборовский Г.Е., Лемперт В.* Профессиональное образование и социальная ответственность на рабочих местах в России и Германии. Екатеринбург, 1996.
 10. См.: *Kohlberg L.E.* (Ed.). Essays on Moral Development. San Francisco, 1984. V. 1, 2.
 11. Словарь русского языка. Т. IV. М., 1988.
- © 2005 г. .